

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

МИДЗОГУТИ

Европейская критика присвоила Кэндзи Мидзогути титул мастера женского портрета. Ему принадлежит честь открытия для европейцев мира японской любви, причудливой эмоциональной борьбы между верностью самурайскому долгу и неодолимой страстью к ускользающему призраку; мира покорности перед лицом неотвратимой судьбы, когда любовная душевная смута противостоит жестокости общества, но чудесным образом вписывается в старинный японский этикет.

«Вот с чего началось мое познание женщины», — сказал пожилой Мидзогути своему молодому ассистенту, когда однажды в общественных банях юноша увидел на спине учителя длинный шрам от удара кинжалом. Этот рассказ сделал достоянием читателей японский кинокритик Еси Умемото.

...1 июня 1925 года в еженедельнике «Асахи» в разделе хроники появилась заметка: «Молодой режиссер студии «Нikkaцу» Кэндзи Мидзогути ранен своей любовницей». В те годы Мидзогути очень много работал. Ему повезло: юноша из почти нищей семьи устроился на крупную киностудию и уже успел снять много картин. После токийского землетрясения, разрушившего городскую киностудию, он переехал в Киото, где сохранились все соблазны старого уклада жизни, так наглядно и откровенно описанного у любимого писателя Мидзогути — Сайкаку. Здесь были заманчивые и призрачные кварталы, почти не затронутые модерном первой четверти XX века, где жили красавицы-гейши, сами похожие на призраки, словно пришедшие из давно забытой средневековой жизни. Правда, власти стремились навести новый порядок — запрещалось

Матико Ке

посещать публичные дома самого дешевого пошиба. Но что такое запрет полиции нравов для молодого художника, жадного до самых разных и притягательных проявлений жизни? Мидзогути посещал веселые кварталы с гейшами и встретил милостивую толстушку с порочными глазами, которую звали Юрико Итидзо. И в этом уголке старой Японии случилась краткая и драматичная история первой страсти.

В этом романтическом приключении — молодой художник презрел ради гейши законы города и устои морали, да и сильно рисковал столь необходимой карьерой — весь «большой» Мидзогути с его пристрастием к диковинным любовным историям из давно ушедшего прошлого, к загадочным, несчастливым, полуреальным и полуфантастическим женщинам Ихары Сайкаку, Акинари Уэда и Тикамацу Мондзаэмона. «Мидзогути всю жизнь окружали несчастные женщины, — замечает Еси Умемото. — Сквозь все его фильмы, в сущности, проходит один и тот же женский тип: женщина с красивым и печальным чуть кругловатым лицом. Сходство актрис Исудзу Ямада, Кинуюэ Танака и Матико Ке поразительно. Во всех женских лицах Мидзогути ищет одно-единственное, то самое, которым, вероятно, обладала его муза. Даже сценарии он выстраивает так, чтобы быть с ней как можно дольше». И далее японский критик делает неожиданный и смелый вывод: «Взгляд Мидзогути постоянно обращался к его прошлому и к той женщине — незабываемой и любимой».

Речь идет о Юрико Итидзо, которая вполне органично входит в донжуанский список «несчастных женщин

японского мастера». Это она в припадке болезненной ревности нанесла молодому любовнику удар сзади, после чего на спине Мидзогути на всю жизнь остался шрам. Этот случай знаменует трагический перелом в запретной и счастливой любви. История получила огласку. Юрико была арестована, но полиция, разобравшись в обстоятельствах и решив, что это дело личного порядка, переключилась на Кэндзи Мидзогути — ведь у него иной общественный статус. Такие происшествия не часты для тихого Киото, и необычное преступление оживленно обсуждали газеты. Скандал грозил навсегда поставить крест на кинокарьере будущего создателя «Женщины Сайкаку» и «Угэцу моноготари». Но на защиту талантливого молодого режиссера встала студия «Нikkaцу». Фильм, который он снимал в то время, закон-

его будущего творчества, которую судьба впервые приоткрыла перед ним в образе влюбленной, ревнивой и вспылчивой проститутки. Чем кончилось последнее свидание бывших любовников, неизвестно. Нет никаких сведений о дальнейшей судьбе Юрико Итидзо. «После их встречи в маленьком отеле в Асакуса никто никогда не обнаружил даже следа Юрико», — заключает свой рассказ Еси Умемото.

В том же 1926 году Кэндзи Мидзогути снимет свой первый подлинный шедевр — «Безумную страсть учительницы», историю ревнивого и влюбленного призрака. Им будет создано еще много шедевров. Очарованные умело переданным романтическим колоритом старой Японии и героинями Ихары Сайкаку и Уэды Акинари, любители кино всего мира в 50-е годы будут восторженно повторять имя Мидзогути. А старый мастер в это время в очередной раз вспомнит давнюю историю из своей молодости, которую, кроме него, не помнил, наверное, тогда уже никто.

Осыпаются цветы сердца, писал Сайкаку, и к осени остаются лишь сухие ветки. Но каждая сухая ветка хранит память о том времени, когда она была юной и цветущей... И, быть может, не столь уж фантастично предположение Еси Умемото, что вся великолепная галерея женских портретов, созданная Кэндзи Мидзогути, восходит к одному-единственному образу женщины. چه место в жизни художника так обманчиво кажется случайным, — безумно влюбленной гейши, промелькнувшей на заре его карьеры и исчезнувшей, будто призрак.

Дмитрий САВОСИН

Кинуюэ Танака

чил другой режиссер, а хозяйка студии посоветовали Мидзогути «отойти в тень» и некоторое время не напоминать о себе, что он и сделал.

Им суждена была еще одна встреча. Год спустя кто-то сказал Кэндзи, что его бывшая любовница Юрико переехала в Токио и работает служанкой в маленьком отеле в простонародном квартале Асакуса. Мидзогути едет в Токио, чтобы увидеть ее снова. Странная, наверное, была поездка — молодой художник, наработавший уже профессионализм и опыт, многое передумавший и перечувствовавший, отправился в город своего детства, где жила его полунищая мать и друзья ранних лет, — и все это в погоне за призраком вечной женственности, любовью-фантомом и, если угодно, в погоне за сквозной темой всего сво-

